

Временная смена плана

— Уважаемый даос, вы ищете Сун Цяньцзи? — спросил лавочник из магазина румян, назвавшийся Ван Тугэнем, а на самом деле бывший Хуа Лю.

Девушка не ответила, лишь крепче прижала к себе цитру, отчего костяшки её пальцев побелели.

— Не бойтесь, я не причиню вам вреда! — он изобразил на лице простодушную улыбку. — Я тоже только что из двора Суна. Старший брат Сун сейчас ест лапшу. Не знаю, из какой вы школы и что вам нужно от старшего брата Суна? Я с ним хорошо знаком, могу передать ваше сообщение.

Девушка явно не поверила ему и, хоть и тихо, но твёрдо отказалась:

— Не нужно.

Торговец потрогал своё лицо.

«Какая настороженная, — подумал он. — Не то что та простушка Чжоу Сяюнь, которую легко было обвести вокруг пальца. Жаль, что после смены облика я выгляжу так бедно и простовато, нечего и удивляться, что на мои заигрывания не отвечают»

«Надо было послать Сяо Ми из рисовой лавки, — размышлял он далее. — Этот малый — мастер льстивых речей, знает, как угодить красивым совершенствующимся»

В «Пособии для заморских культиваторов по предотвращению мошенничества на берегу» говорилось, что преимущество командной работы именно в этом: у каждого своя роль, каждый проявляет свои сильные стороны. Если один потерпел неудачу, его сменит следующий.

Он улыбнулся на прощание, крепко запечатлев в памяти её облик и наряд.

Хэ Цинцин долго стояла перед запертыми алыми воротами двора Суна, не решаясь постучать. Рука её то поднималась, то опускалась.

Ночь становилась всё темнее. Ветер шевелил ветви цветущих деревьев, и луна поднялась над западной башней.

Она села у бамбуковой изгороди, обхватив колени руками, и смотрела на цветы бальзамина в

лунном свете. Поза была та же, что и в прошлый раз, но душевное состояние — совершенно иное.

За воротами, во дворе, расхаживал Мэн Хэцзэ.

После прорыва его чувства обострились, и он прекрасно знал, что снаружи кто-то ждёт, но подсознательно не хотел открывать. Кто знает, какие ещё неприятности ищут старшего брата Суна.

— Старший брат Сун, завтра я иду на жеребьёвку, — с тревогой в голосе произнёс Мэн Хэцзэ.
— Как думаешь, у меня получится?

Сун Цяньцзи ел лапшу и ничего не ответил.

Завтра на рассвете начиналась жеребьёвка боевого испытания Собрания «Достичь известности». Награды были щедрыми, а правила просты: пары бойцов, победитель проходит дальше.

Мэн Хэцзэ в этот момент не нуждался в ответах, ему нужно было просто выговориться:

— Я так долго ждал этого дня. Я покинул родной дом в поисках пути к бессмертию, думал, что попаду во внутреннюю школу, а вместо этого застрял во внешней. Думал, что усердная работа и тренировки всё изменят, но дни шли однообразно, и моим стараниям не было видно конца. Пока нас обоих не подставил Чжао Юйпин, и мы не упали с утёса... Я не знаю, какой была бы моя жизнь сейчас, если бы не ты, старший брат. Должно быть, в прошлой жизни я совершил много добрых дел, раз в этой встретил тебя.

Сун Цяньцзи усмехнулся про себя.

«Надо же, я и не замечал раньше, что ты, будущий владыка тёмного пути, бываешь таким сентиментальным»

— Мне нужен этот шанс на Собрании, — продолжал Мэн Хэцзэ, — мне нужны техники и ресурсы, которые дают в награду победителям. Я, как и бесчисленное множество других, нуждаюсь в них, но почему всё это вечно в чужих руках? Если однажды я достигну высот, я непременно изменю этот мир, создам новое небо и новую землю, чтобы все совершенствующиеся могли практиковать мои техники, не платя мне духовными камнями и не служа мне!

«О, если б мог я воздвигнуть палаты в тысячу покоев, чтобы приютить всех бедняков Поднебесной и одарить их радостью!»

— Даже если ты и захочешь, — усмехнулся Сун Цяньцзи, — то когда это время придёт, за твоей

спиной будет школа, под твоим началом — ученики, а за ними — потомки твоего клана, которых нужно содержать. Думаешь, они согласятся?

Мэн Хэцзэ на мгновение задумался.

«Тогда я не буду создавать школу, не буду брать учеников и заводить потомков. Мне достаточно будет лишь заботиться о старшем брате»

— Не знаю, кто мне завтра попадётся... Впрочем, неважно, кто это будет, ему не повезёт! Я одолею всех противников и одержу окончательную победу.

Перед лицом великих перемен и бесчисленных битв, даже если твои слова кажутся пустыми и наивными, всегда хочется, чтобы рядом был кто-то, кто выслушает. Пусть даже он ничего не сделает и ничего не скажет.

Мэн Хэцзэ говорил всё с большим воодушевлением, пока Сун Цяньцзи не доел лапшу и не отложил палочки. Звук, с которым палочки коснулись края миски, подействовал как заклинание оцепенения. Он тут же умолк, привычно убрал посуду, подал Сун Цяньцзи полотенце и заварил чай.

Сун Цяньцзи встал и, подойдя к огороду, слегка наклонился.

— Старший брат Сун, прости, я слишком много наговорил, — смущённо произнёс Мэн Хэцзэ. — Я сегодня не в себе, не обращай на меня внимания. Я пойду.

— Подожди.

Сун Цяньцзи сорвал два цветка картофеля и протянул один Мэн Хэцзэ.

Маленький фиолетовый цветок, только что сорванный с куста, ещё хранил на лепестках кристальные капли росы. Лепестки были тонкими и трепетали на ветру.

Мэн Хэцзэ взял его, немного растерявшись. Этот цветок лучше пожарить или съесть сырым? Одного ведь не хватит.

— Старший брат хочет перекусить?

Сун Цяньцзи потерял дар речи. В прошлой жизни у него не было ни детей, ни близких друзей. Что говорят в таких случаях, благословляя близких?

— Побеждай в каждой битве, и пусть во всех делах тебе сопутствует удача, — наконец сказал

он.

Мэн Хэцзэ замер, и его глаза мгновенно засияли.

Сун Цяньцзи вышел за ворота.

Услышав шум, Хэ Цинцин вскочила на ноги.

— Даос Сун! Я... я вам не помешала?

Сун Цяньцзи буркнул что-то в ответ, думая:

«Мне ты точно не помешала, разве что моим бобовым росткам»

Хэ Цинцин опустила голову и, запинаясь, произнесла:

— Ту мелодию, которой вы меня научили, я уже выучила. На испытании игры на цитре в рамках Собрания... вы... вы придёте послушать мою игру?

Она просидела у ворот двора Суна много часов, лишь чтобы набраться смелости и задать этот вопрос.

— Если будет время, приду.

«Если закончу с делами в огороде, почему бы и не послушать», — подумал Сун Цяньцзи. В конце концов, это была первая мелодия, которую он сочинил.

— Хорошо! Я обязательно... — девушка вдруг пришла в волнение. Она хотела сказать, что непременно займёт первое место, но, посчитав, что это прозвучит слишком самонадеянно, лишь добавила: — Я обязательно сыграю очень хорошо!

Сун Цяньцзи протянул ей второй цветок картофеля.

— Это?.. — застыла Хэ Цинцин.

— Это тебе.

— Мне?!

Ей ещё никогда не дарили цветов. И пусть он выглядел таким простым и невзрачным, словно полевой цветок.

— Да, на удачу, — сказал Сун Цяньци. — Возвращайся.

«Когда эти двое уйдут, я наконец смогу расслабиться в своём кресле и насладиться вечерней прохладой»

Хэ Цинцин осторожно держала в руках цветок картофеля, шагая по тёмной горной тропе.

Много лет спустя, когда люди наперебой будут дарить ей цветы, и она будет обладать всеми сокровищами мира, никто так и не узнает, какой цветок она любила больше всего.

Глубокая ночь

За столом горела одинокая лампа, её свет был тусклым, как горошина.

Одиннадцать человек сидели за круглым столом с подавленными лицами, в воздухе висела гнетущая атмосфера.

Внезапно в комнату вошёл юноша. Все тут же вскочили и, полные надежд, окружили его:

— Сяо Ми, ты наконец вернулся! Ты видел истинное лицо той девушки-совершенствующейся? Как она выглядит?

— Ну как? Удалось что-нибудь выведать у неё?

— Почему Сун Цяньци подарил ей цитру? Какие у них отношения?

Юноша по имени Сяо Ми, работник из рисовой лавки, плюхнулся на стул и с силой ударил по столу:

— И не спрашивайте, ничего не вышло!

— Как же так?! — вскричал Хуа Лю, днём изображавший из себя Ван Тугэня. — Неужели есть девушки, которым не нравятся богатые и красивые юноши?

— Вот именно! Я так молод, красив, богато одет, был так любезен, а она меня даже не

замечала, ещё и накричала! Велела убираться подальше, иначе она пожалуется проктору, — Сяо Ми был крайне обижен. — Эта работа просто невыполнима! Это нечеловеческий труд, рядом с этим Сун Цяньцзи вообще нет нормальных людей!

Сяо Чжо, работник ломбарда, закатил глаза и пробормотал:

— Красив, да бесполезен. Знал бы, лучше бы сам пошёл.

— Но она определённо имеет какое-то отношение к Сун Цяньцзи. Поэтому наш следующий план временно меняется на План «Красавица», — предложил владелец ломбарда. — Только не холодную и отстранённую, как Мяо Янь, а беззащитную и трогательную «белую лилию».

Лавочник Хуа раскрыл «Сборник разнообразных мошеннических схем от Любвеобильного» — нет, «Пособие для заморских культиваторов по предотвращению мошенничества на берегу» — на главе о Плане «Красавица» и предложил всем внимательно ознакомиться:

«Бросаться в объятия — слишком низкопробно, так дело не пойдёт. Красавица в беде ждёт спасения — вот где хитрость и искусство обольщения»

Все принялись обсуждать, внося свои предложения. Прошла половина ночи, прежде чем план был окончательно утверждён.

— Первый шаг — выманить змею из норы, второй — применить тактику «чтобы поймать, нужно сначала отпустить», третий — предложить себя в награду. У всех есть вопросы? — спросил Хуа Лю.

— Вопрос есть, — сказал владелец ломбарда. — Кто будет играть роль несчастной «белой лилии»?

— Вы опять на меня смотрите? Почему снова я? — взорвался Хуа Лю. — Неужели нельзя найти настоящую женщину?

— Я женщина, думаете, я подойду? — спросила кузнец Чжан, похлопав по своим мускулистым рукам.

Все поспешно затрясли головами:

— Этот Сун Цяньцзи такой хрупкий, ты же ему одной рукой шею свернёшь!

— Старина Хуа, твоё искусство смены облика — лучшее. Давай ещё раз, мы будем тебя прикрывать, изображая реквизит, и всегда придём на помощь.

— Да, один раз не в счёт, второй — уже привычка, не в первой же!

Хуа Лю стиснул зубы и, с двойным смыслом в голосе, произнёс:

— Я иду.

Летающая облачная башня

В ту же ночь в башне горел свет.

Ректор подал тонкий лист бумаги:

— Это их сегодняшний отчёт. Попытка лавочника Хуа провалилась, его выгнали из двора Суна. Их следующий план — План «Красавица».

Мудрец каллиграфии с интересом прочёл отчёт и, хлопнув по столу, рассмеялся.

— Вы ведь сделали это намеренно? — осторожно спросил ректор.

— Догадался? — усмехнулся Мудрец. — Кого бы я ни выбрал в ученики, они признают его. Когда меня не станет, они приложат все десять долей своих сил, чтобы помочь ему. Но десяти долей недостаточно. Только тот наследник, в которого они искренне поверят, заставит их рискнуть жизнью и отдать все двенадцать... В этом году Вэй Пин обманом и хитростью выманил у них немало хороших вещей, но этот парень им действительно нравится. Хоть они и не говорят об этом вслух, в душе они уже питают к нему некоторую симпатию.

— Если Сун Цяньцзи выдержит это испытание, значит, он действительно сможет подчинить себе этих людей, — догадался ректор.

Мудрец каллиграфии кивнул. Эти люди обладали разными талантами и характерами. В мирное время их «чёрные лавки», разбросанные по четырём континентам, представляли собой информационную сеть. В смутные времена они собирались вместе, образуя сеть защитную.

Он не мог сопровождать своего ученика на пути к вершинам власти, но мог оставить ему несколько козырей в рукаве.

— Я уже давно не занимался делами Академии «Зелёный Утёс», — вздохнул Мудрец.

Ректор тут же поклонился и твёрдо сказал:

— Академия всегда будет вашей академией!

Мудрец каллиграфии помог ему подняться и рассмеялся:

— Это не твоя вина.

Любая организация, чем больше она становится, тем труднее её контролировать. Неизбежно появляются различные фракции, и бывшее единство исчезает. Его власть над академией была уже не та, что в молодости. Люди в академии уважали его силу, считали его духовным лидером, но вряд ли были готовы пойти в огонь и в воду за выбранного им наследника.

Мудрец каллиграфии распахнул окно. Его взгляд пронзил мириады звёзд и густой ночной туман, устремившись к задней горе школы Хуавэй:

— В этом деле я наконец-то опередил этого старого призрака!

Ночной ветер стал прохладнее. Сун Цяньцзи, дремавший в кресле, вдруг почувствовал зуд в носу и невольно чихнул.

<http://bllate.org/book/16982/1588211>